

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РОМАНА В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир, ассистент

Кафедра русского языка, факультет языков

Багдадский университет, Ирак

Аннотация. В статье рассматривается интертекстуальная поэтика, имеющая ярко выраженный аллюзийно-реминисцентный характер. Устанавливаются внутритекстовые и внетекстовые диалогические связи с произведениями русских классиков. Анализируется сложная система двойников и антиподов. Уточняется позиция протагониста романа как Героя времени.

Ключевые слова: двойник, писатель, интертекстуальность, андеграунд, жанровая уникальность, литературное пространство, постмодернизм, цитата, аллюзия.

Одним из самых известных русских романов XX века мы по праву можем называть роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина. Именно этот роман принес автору Государственную премию по литературе и всемирную известность. Роман, несомненно, продолжает традицию Героев эпохи, над созданием которых трудились Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский.

По мнению исследователей современной русской литературы, определяющей особенностью русской литературы конца XX века можно считать обращение к культурным текстам русской классики. Однако модель, которую зачастую используют современные авторы, существенно отличается от классических эстетических форм литературы. Постмодернизм современной русской литературы – это, прежде всего, осмысление, возврат к прошлому опыту мировой художественной практики. Нужно отметить, что для периода 1980-1990 гг. XX века характерна проблема традиций и новаторства, это переломный этап развития русского искусства.

В творчестве В. Маканина мы можем увидеть возврат к традициям гуманистического искусства. Обращение к русской классике помогает автору утвердить некую нравственную основу. А.М. Марченко, российский критик и литературовед, говоря о концепции личности в произведениях Маканина, отметила крайне важный момент для понимания творчества писателя, а именно связь героев автора с русской классической литературой. По мнению Марченко, писатель «умеет видеть коренное, вечное под обманчивым обликом сиюминутного»¹.

Именно этот аспект сближает творчество В. Маканина с прозой выдающихся русских классиков, таких как Достоевский Ф.М., Лермонтов М.Ю., Гоголь Н.В. По мнению литературоведа и критика К.А. Степаняна, роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» – это классический образец русского постмодернизма. Критик уточняет, что этот роман становится постмодернистским в результате того, что автор использует большое количество разнообразных цитат из русской и мировой литературы, относящейся к последним двум столетиям. В романе Маканина ирония не используется широко, происходит некая игра с авторским «я», герой переосмысливает знакомую читателю мысль Достоевского, заключающуюся в том, что «если нет Бога и бессмертия человека, то все позволено», в романе она получает другое значение. Заключение героя в романе обратное: «Если есть Бог, то все позволено». Степанян говорит о том, что: «Петрович не материалист, он признает существование Бога, но Бог для него где-то там, под закрытыми Небесами, непонятная, загадочная и страшная сила... Петрович специально подчеркивает, что не верит ни в какой «отчет», – тогда подсознательная уверенность в вечном существовании означает полную вседозволенность: все позволено в бесконечном перемещении по пространству-времени» [Аннинский, Л.А. Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «серединого» человека. Маканин В.С. Избранное. М.: Советский писатель. 1987. С. 6].

Роман Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» написан в 1998 году, на сегодняшний день он остается самым значительным произведением писателя. Автор наделяет главного героя, Петровича, частью своих функций, оставив за ним свободу в пределах текста. Петрович становится не просто главным героем, а смысловым центром повествования. Реальность романа целиком и полностью зависит от взгляда и сознания главного героя. Роман отличает достаточно сложная система образов персонажей-двойников, сложность поэтики, необычность композиции, а также обилие аллюзий и реминисценций, так свойственных постмодернистской литературе.

Мы можем точно сказать, что уже название романа содержит несколько интертекстуальных ссылок. Цитаты и аллюзии ставят роман Маканина в историко-культурный ряд. Рассматривая роман с позиции интертекстуальности, мы можем говорить о том, что первая часть названия имеет двойственный смысл. С одной стороны, андеграунд – это направление русской культуры, к которому обращается читатель через призму творчества Достоевского с его человеком из «подполья». Роман Маканина является своего рода продолжением «Записок из подполья» Достоевского. Главного героя романа Маканина – агешника Петровича [Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Эксмо, 2010. — С. 72], без сомнения, мы можем соотнести с

прототипом Подпольного, который, по мнению Достоевского, является парадоксолистом.

Герой Маканина обладает противоречивыми мыслями, из которых вытекают его поступки, как и Подпольный, он болезненно самолюбив. Оба героя отвергают общепринятые идеологические и общественные принципы и образ жизни. Им чужды шаблоны мысли их современников, эти герои ценят превыше всех свободную волю. Герои стремятся во что бы то ни стало сохранить свое «я». В романе Маканина Петрович ради спасения своего «я» решает совершить убийство, размышляя таким образом: «Надо. Отступить некуда. Два с лишним десятилетия барабанил по клавиатуре машинки. Мое «я» <...> выбросить в угоду тому, что он тоже человек [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 365]

...вынянченное, выпестованное всей моей жизнью, он загубит мое – большее, чем я» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 366].

Герой Достоевского размышляет также подобным образом: «...глупейшее <...> может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред <...>, потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» [Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений в 30 т. — Т. 5. — Ленинград: Наука, 1973. — С. 115*].

Читатель также обнаруживает интертекстуальную ссылку в неспособности обоих героев любить. Герой Маканина – экзистенциальный нигилист, он отказывается от всех существующих принципов истеблишмента [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 669]. Не признавая отчетности перед Богом, он считает, что его существование где-то далеко: «Он может наказать за убийство, а может и не наказать; про кого-то может забыть» [Степанян К. *Кризис слова на пороге свободы // Знамя. — 1999. — № 8. — С. 207*]. Петрович не верит, что за убийство придется ответить перед Богом: «Кто, собственно, спросит с меня – вот в чем вопрос. Бог?.. Нет и нет. Бог не спросит. Я не так воспитан. Я узнал о нем поздно, запоздало, я признаю его величие, его громадность, я даже могу сколько-то бояться Бога в темные мои минуты, но отчетности перед ним как таковой нет. Не верю в отчет [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 227]. Маканинский герой не раскаивается в совершенных убийствах, для него покаяние равносильно «распаду» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 387].

Однако, Достоевский доказывает читателю, что личностное спасение возможно благодаря вере в Бога: «причина подполья – уничтожение веры в общие правила. «Нет ничего святого». ... Трагизм подполья ... в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды – не от кого, веры – не в кого! Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство)» [Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 16. – Ленинград: Наука, 1976. – С. 329-330*].

Маканин, являясь ярким представителем постмодернизма, стремится всеми силами оправдать героя-безбожника, в его представлении и общество является обезбоженным. Мы можем с уверенностью сказать, что роман Маканина не несет в себе воспитательной цели, в отличие от произведения Достоевского. По мнению Маканина: «Герой литературный не имеет к герою в жизни прямого отношения. <...> литературный герой — это тот инструмент, с помощью которого грядущие поколения будут открывать чердаки, комнаты и подвалы нашего времени» [Странная война Владимира Маканина: Интервью с Владимиром Маканиным [Электронный ресурс] // Новая литературная карта России: сайт. — URL: http://www.litkarta.ru/dossier/strangewarmakanin/dossier_2236/ (дата обращения: 10.04.2016)]. Таким образом, мы можем говорить о том, что автор стремился в своем романе как можно точнее отразить современность. Автор пишет в «Андеграунде...»: «Достоевский тоже ведь и нас побеждал словами. Но как только Ф.М., с последним словом, торжествовал победу, выяснялось, что он победил кого-то стороннего. Не меня» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Обращаясь ко второй части названия романа Маканина, мы видим прямую и явную интертекстуальную отсылку к произведению Лермонтова М.Ю. «Герой нашего времени». Заимствование автором заглавие романа Лермонтова мы можем рассматривать с двух позиций. С одной стороны, интертекстуальная отсылка к роману Лермонтова важна как символ классической русской литературы, в данном случае важна именно его хрестоматийность. Цель автора в данном случае – показать сложный процесс дискуссии классической и андеграундной культур. Можно сказать, что андеграундная культура вытесняет собой классическую литературу, андеграундное искусство приобретает статус классической отечественной культуры.

С другой стороны, интертекстуальная цитата, использованная Маканиным, необходима в качестве номинативного значения. Герой нашего времени в данном случае рассматривается как собирательный образ человека, с чертами, присущими для людей именно этой эпохи. Обращаясь к структуре повествования, мы можем сказать, что произведение Лермонтова значительно сложнее.

Нужно отметить, что жанровая специфика произведения Лермонтова для своего времени была необычной и новой. Жанровая уникальность романа заключается в сочетании черт реализма, романтизма и социально-психологического романа, в его стилистике и построении. По мнению Белинского, роман «Герой нашего времени» - это целостное произведение, хотя оно и было составлено из отдельных повестей и рассказов». В русской литературе впервые были объединены социально-психологическая и нравственно-философская проблематика. Для раскрытия философско-психологической проблематики романа потребовался синтез повествовательных жанров. В романе были использованы такие жанры, как очерк, исповедь, путевые записки, новелла, психологическая и философская повесть, дневники. Ни один из вышеперечисленных жанров в отдельности не смог бы в достаточной мере объяснить противоречивую природу героя своего времени. Мы

можем сказать, что первая часть романа, которой является повесть «Бэла», довольно близка по жанру к путевым запискам; «Максим Максимович» - рассказ; «Тамань» относится к романтическим новеллам с авантурным сюжетом, самая крупная часть романа «Княжна Мери» - это психологическая повесть, завершающая часть романа повесть «Фаталист» в которой раскрывается философская идея. «Журнал Печорина» - это своего рода дневник, который состоит из нескольких частей, в ней главный герой повествует о различных жизненных ситуациях, с которыми он столкнулся.

В романе Маканина пять частей, при этом необходимо отметить, что каждая из них – это законченная повесть. Мы полагаем, что Маканин в данном случае опирается на творчество Лермонтова. Русский литературовед, Эйхенбаум Б.М. обозначил подобное явление в литературе, как «цикл повестей, объединенных фигурой главного героя». В.С. Маканин так же, как и Лермонтов, расположил все части романа в определенной последовательности, используя подобный прием для постепенного ознакомления читателя с жизнью и личностью героя.

М.Ю. Лермонтов использует несколько рассказчиков, помимо Печорина. Мы можем определенно сказать, что автор стремится, используя такой прием, «изобразить» перед читателем максимально объективный образ «героя своего времени». В романе же Маканина образ героя предельно субъективен, такое впечатление складывается в результате того, что автор использует только речь Петровича.

Можно ли сравнивать Петровича и Печорина? Но в этом и заключается основная мысль автора отправляющего читателя мысленно к «герою нашего времени» 30-40-х годов XIX века. Герой романа Лермонтова имеет принципиальное отличие от главного героя Маканина. Их принципиальная разница заключается в степени свободы, которой их наделили авторы, но эта свобода находится в прямой зависимости от литературного статуса героев. Анализируя роман Маканина, мы можем говорить о том, что внутритекстовая степень свободы Петровича, несомненно, выше, чем у Печорина. Печорин относится к типичным героям классического романа, полностью подчиненному законам художественного произведения. Для Петровича в романе нет безвыходных ситуаций или практически нет, он с легкостью понимает мотивы поступков других персонажей, однако не всегда в состоянии их скорректировать.

В романе Лермонтова герой совершает достаточно большое количество разнообразных поступков, случайности в его жизни закономерны и необходимы для развития действий романа. События в романе Маканина вызваны исключительно желанием главного героя прожить судьбой другого человека. Герой Маканина вступает в диалог с «Другим», желая понять его, он стремится сам стать другим, насколько это возможно. Он отвергает все, что происходит в «бурном потоке жизни», предпочитая созерцательное существование. Именно созерцательное существование делает Петровича непосредственно личностью андеграунда. Как и Печорин, герой Маканина – лишний в окружающей его действительности. По мнению литературных критиков, герой романа Маканина – это «средний» человек, т.е. он обладает средним возрастом, имеет средние условия жизни, предъявляет средние требования к себе и к жизни.

Говоря о Печорине, мы можем говорить о его стальной воле, сильном характере, чувстве собственного достоинства, сам автор говорит о его «крепком сложении, способном переносить все трудности кочевой жизни», но и сам автор подмечает странность и противоречивость характера героя. Образ Печорина автор использует для общей характеристики целого поколения. Нужно отметить, что сам герой, в целом способный на сильные чувства, активно совершающий различные поступки, приносит окружающим его людям несчастье. Мы полагаем, что трагедия лермонтовского героя в том, что он желает делать добро, а приносит людям только зло.

Герои Лермонтова и Маканина не могут получить однозначную трактовку, в романах нет ответов на конкретные поставленные вопросы. Мы можем говорить о том, что авторы заложили в эти неоднозначности различный смысл. У М.Ю. Лермонтова главный герой рассматривается как образ «лишнего» человека, его противоречия с окружающим миром, окружающей действительностью так велики, что достигнуть гармонии невозможно. Главный герой В.С. Маканина воспринимается читателем как текст, состоящий из цитат, имеющих незавершенную природу, получающий новое значение, новое прочтение. Однако основным отличием главных героев этих романов можно считать их отношение к завершению жизни – смерти. Для персонажа Лермонтова смерть – это выход из мира и окружения, где он так и не нашел своего места, а для персонажа Маканина принципиально не существует смерти.

Маканин описывает в своем романе убийцу изнутри, он тщательно, во всех деталях прорабатывает психологический портрет, уделяя внимание душевному состоянию, его мотивам и ощущениям. Печорин не обрел не только своего места в мире, но и счастья, а Петрович в своем зыбком мире обрел счастье. Петрович не оставляет после себя ни рукописей, ни семьи, ни детей, ни имущества – только лишь два мертвых тела.

Герой, созданный Маканиным, не убийца по своей сути, убийства происходят практически случайно. Также неожиданно он совершает второе убийство, его охватывает ужас: «неужели будет и третий труп – “не хочу убивать!» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. – С. 238].

Убийство можно считать логичным следствием жизненной позиции Петровича, однако он не предполагал, что сможет зайти так далеко. Мы полагаем, что автора в данном случае интересовала не психология убийцы, а механизмы изживания вины. По нашему мнению, тип человека – героя нашего времени – это не тип убийцы. Маканину важно в Петровиче совсем другое, ему важно чувство вины. Для героя это иррациональное чувство, причину и источник он осознает очень смутно. «Краткое ощущение Бога» слишком незначительно для того, чтобы оно приобрело некий религиозный смысл. Возможно, именно поэтому в романе

вина предшествует преступлению, преступление же дает основание существованию вины.

Автор использует в книге удвоение сюжета с убийством, с покаянием и разоблачением. Дважды ставятся и вопросы, однако ответы даются противоположные. Маканин использует сюжет с Лесей Дмитриевной для того, чтобы показать, насколько процесс покаяния может быть омерзительным внешне, но тут же помещает героя в аналогичный сюжет, но уже в условия психиатрической больницы. В больнице немотивированное чувство вины используется для того, чтобы уничтожить человека как личность. «Покаяние» в романе используется в религиозном контексте, кроме того, автор дает понятие «метанои», сформулированное с изрядной долей иронии: «В покаянии-то не только утешение ищут – есть еще и подспудный охранительный смысл (вполне прагматический). Вот почему покаяние. Чтобы после двух раз не сорваться в третий, в пятый. Однажды где-то наследить... А покаешься – вроде как точку поставил. Все правильно. Все разумно. Очень даже продуманно. (И ведь скидку сделают.)» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Петрович появляется в храме не случайно: «Не скажу, что шаг за шагом прибило к верующим, меня попросту потянуло (сквозняками и голодом) к теплу московских церквушек, что на окраинах. <...> Пройдя в церковь, я грелся телом, грелся и умиротворенной душой, чтобы только пережить холодную осень, не дольше. Тактика неблагодарных» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238]. Автор в данном случае показывает, что церковь – Бог, остались за пределами схемы «Свой-чужой», куда уже вписались гэбист-палач, врач и т.д. Убийственное покаяние и убийственная жалость в романе становятся смысловыми центрами романа, это уже видно с первых страниц, в этот же момент автор и читатель занимают позицию сторонних наблюдателей.

Маканин сосредоточен на создании или художественной реконструкции подсознания Петровича, в данном случае мы можем рассматривать «андеграунд» как подсознание общества. «Общажный» коллектив, описанный Маканиным, попадает как бы в сюрреалистическое пространство, оно маргинально и дополняется такими образами как психбольница, метро. Общага рассматривается автором как метафора мира, герой же существует в пространстве коридора. Пространство коридора служит неким связующим звеном между различными «мирами» романа, эта принадлежность героя к различным «мирам» и делает маканинского героя неоднозначным.

Убийства Петрович совершает только для утверждения собственного достоинства. В романе не существует хронологической последовательности событий, происходящих с героем, они все являются фрагментами переживаемого героем настоящего, выстраиваемые образы адресованы читателю. Другие персонажи романа, являясь обитателями огромной «общаги», составляют вместе с Петровичем образ «Героя нашего времени». Коллективное бессознательное, изображаемое Маканиным, испытывает жалость к павшим и ненависть к чужим, способность к состраданию и к хладнокровному убийству, в нем затаилась агрессия и жажда покаяния.

Для творчества Маканина герой романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» нетрадиционен, большинство героев предшествующих произведений вписывались в существующий социум, что проявлялось через призму социальных категорий, которыми являются дом, семья, работа. Герои предыдущих произведений занимают среднее положение в обществе. «Обычность» или «срединность» - это главная отличительная черта персонажей Маканина. Однако Петрович, в отличие от других персонажей, маргинален и абсолютно асоциален. Он неработающий, практически бомж – это социальный андеграунд, этический же андеграунд заключается в убийстве, а культурный в том, что он – не написавший ни строки писатель. Автор относится особенно к своему герою, мы можем об этом говорить, исходя из текста. Однако в конце романа смысловой центр резко меняется, смещаясь с Петровича на другого героя – Венедикта Петровича.

Система персонажей романа подчеркивает неоднозначность маканинского героя. В романе представлены две группы персонажей: с одной стороны – это представители андеграунда, с другой стороны – жители общаги. Анализируя эти две группы, мы можем сказать, что мнимое противопоставление, возникающее на первый взгляд, исчезает и выявляются общие черты. Именно Петрович не просто находится на границе романских миров, но и тесно, неразрывно с ними связан. Любой из представителей романского пространства может рассматриваться читателем как двойник главного героя. Романские миры представлены автором как уходящие, остается только Петрович, в котором тесно переплелись и общага, и андеграунд. Он – единственный представитель тех исчезающих социумов, которые неразрывно с ним связаны. Петрович соединил в себе различные типы романского пространства, различные типы культур, что в конечном итоге лишило его целостности. По нашему мнению, деструкция героя была неизбежна. Герой Маканина разрушился, распался на отдельные черты многих культур, затем в пространстве художественной литературы восстановился. Он – единое целое, но его природа изменилась, он стал частью литературы, создаваясь из уже существующих текстов. Таким образом, мы уже говорим о деконструкции героя. Другими словами, после деструкции наступила реконструкция, но его восстановление происходит не в прежнем пространстве, а в пространстве текста русской литературы.

Обращая свое внимание на роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», мы можем говорить о том, что это первый в русской прозе реалистический социально-психологический и нравственно-философский роман. Этот роман посвящен трагедии незаурядной личности, трагедии «героя нашего времени» 30-х годов XIX века. Лермонтов писал роман «Герой нашего времени», когда он как жанр в русской литературе еще не был сформирован окончательно. Мы должны отметить, что М.Ю. Лермонтов опирался в основном на опыт А.С.

Пушкина, а также на западноевропейские литературные традиции. Влияние западноевропейских традиций отчетливо видно в чертах романтизма «Героя нашего времени». Однако роман, прежде всего, реалистичен, это заключается в постановке важнейших проблем современности, а также в создании образа «героя времени». Типичный представитель той эпохи – «лишний человек», автор стремится как можно точнее и психологически объективно изобразить и объяснить особенности натуры героя. Типичны и прочие персонажи романа. Лермонтов воссоздает взаимоотношения общества и личности во всей их многогранности, сложности и противоречивости. Окружающий мир, действительность главного героя, автором описан с разных точек зрения, разными типами бытия.

В романе Маканина, в отличие от произведения Лермонтова, имеется как реально-географическое пространство, так и метафизическое. Рассматривая пространственную вертикаль, изображаемую автором, мы можем выделить два взаимозаменяемых уровня – «нижний» и «верхний». Верхний, практически не достижимый уровень – это литература, литературное пространство, практически безотносительно существующее вне времени, оно соотносимо с понятием «абсолют». Нижний уровень пространства романа – это андеграунд общества, культуры, социума. Такое построение пространственной модели романа еще сильнее подчеркивает маргинальность андеграундной культуры. Средний уровень занимает общага с ее жителями, наделенными коллективным сознанием, с их стереотипным представлением о жизни или способе жизни. Метафизическое уровневое пространство романа – это не только система уровней жизни, но и система уровней мысли, уровней бытия.

В осмыслении системы персонажей романа интертекстуальный анализ текста романа играет большую роль. Как мы уже и говорили ранее, роман отличает достаточно сложная система образов персонажей-двойников. Пространство романа насыщено персонажами, которые являются двойниками главного героя. Мы можем выделить трех наиболее значимых двойников. Эти персонажи относятся к разным уровням метафизического и реально-географического пространства, у каждого двойника имеется свое литературное имя. Несмотря на то, что их типы абсолютно разные, у них есть нечто общее объединяющее – это Петрович. Двойники играют большую роль в дополнении образа главного героя, объяснении его мыслей и поступков, авторского отношения к нему, они служат необходимым инструментом в прорисовке психологического портрета Петровича. Одним из персонажей-двойников Петровича, является Тетелин. Тетелин разительно отличается от главного героя во внутреннем сюжете, но значительно схож во внешнем. Оба героя – сторожа в общаге. Тетелин начинает подражать Петровичу, его походке, манере разговора и другим привычкам. Таким образом, образ Тетелина наполняется гипертрофированными чертами главного героя, которые он стремится вытеснить из себя. Именно внешнее сходство вызывает у Петровича презрение, брезгливое раздражение по отношению к своему «двойнику». Его «двойник» не стремится быть собой, его устраивает роль «двойника», отголоска главного героя. Тетелин актуализирует неприятные параллели Петровича.

Сюжет, посвященный преуспевающему писателю Зыкову – также возможный вариант «двойника» героя. Читателю сначала кажется, что героя и его двойника разделила судьба или случайность: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания. В том, что однажды после совместной пьянки я опохмелился, а он нет. Случились вдруг западные корреспонденты (тогда еще, при цензуре бегали за нами), они-то из нас двоих и выбрали для фото Зыкова как более изможденного ... меня, только-только опохмелившегося и благодушного, в газетах отвергли. (Зачем-де им счастливчики брежневской поры)... Западные газеты на какую-то неделю запестрели фотографиями изможденного, плохо выглядевшего Зыкова, а тут как раз перестройка – совпало! – и тот час его в параллели стали издавать и там, и здесь» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 437].

Мы не можем говорить, что именно этот сюжет объясняет выбор разных путей Петровичем и Зыковым. Однако мы можем предположить, что при других обстоятельствах судьба Петровича могла стать другой. Зыков – это представитель бывших «агэшников», которые на данный момент получили от власти свой «пряник». Зыков – это важный двойник-антипод главного героя, потому что он талантлив: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым как прозаики стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания» [См. Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 437].

Петрович серьезно размышляет на тему того, что судьба Зыкова, который теперь успешно издает свои книги в России и за рубежом, могла бы стать его судьбой. Главного героя и его двойника связывает память о времени андеграунда, сохранив щепетильное отношение по поводу малейшей неприкосновенности к КГБ, к случайному доносу. Глава, посвященная Зыкову и его встрече с Петровичем, носит перекликающееся с «достоевским» название «Двойник». Однако двойник Петровича в данном случае является его полным антиподом, что объясняет отношение главного героя к собственному творчеству как писателя, его молчание.

Говоря о двойниках романа Маканина, мы должны отметить, что это возвращение к сходным, повторяющимся ситуациям – не новый прием, он неоднократно был использован в русской классической литературе такими писателями, как Ф.М. Достоевский, М.Ю. Лермонтов. Например, в «Преступлении и наказании» главный герой – Раскольников, трижды встречаясь с Соней и со следователем Порфирием Петровичем, ведет с ними своего рода диалоги-поединки. В «Герое нашего времени» Лермонтов описывает повторную встречу Печорина и Максима Максимыча. Используемая в завершающей части романа, эта встреча важна для характеристики главного героя. Оба русских классика используют повторные сцены для прояснения позиции персонажа. Маканин, подобно русским классикам, использует параллельные сцены и

персонажей-двойников для того, чтобы пояснить недосказанное, создать более полный образ героя, проникнуть в его сознание и подсознание. Двойники Маканина – это варианты судьбы главного героя, несостоявшиеся варианты его возможной жизни.

Одним из главных двойников Петровича, мы можем считать его брата Веню. У Вени, в отличие от брата, есть имя – он гениальный художник, сломленный государственным строем, советской системой. Веня «распался», был потерян в психушке. Веня описывается как человек редкой одаренности и смелости, он не боится высмеять следователя-гебиста. Именно из-за этого факта он и оказался «не столько в ловушке чьего-то доноса, сколько в ловушке своего собственного превосходства над людьми» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 137]. Веня не просто пойман, он находится в ловушке своего «Я». Петровичу недоступна та степень свободы, которую обретает его брат. История же брата воспринимается героем как вариант собственной жизни. Маканин, используя данного двойника-героя, дает интертекстуальную ссылку к поэме В.В. Ерофеева «Москва-Петушки», закрепляя тем самым за Венедиктом статус полноценного андеграундного мифа.

«Андеграунд, или Герой нашего времени» - это роман, пестрящий цитатами, он подчеркнуто интертекстуален – это завораживает. Параллели героев, параллели из знаковых текстов русской литературы создают атмосферу некой борьбы, классики и главного героя, русской литературы и повседневной жизни. Однако победа достается авторскому тексту Маканина. Русская литература, классика не способны справиться с реалиями сегодняшнего дня, они даже описать адекватно повседневность не в состоянии.

Сам автор комментировал отсылки в романе к текстам классической литературы и слово «андеграунд»: «Это только слово «андеграунд» как бы чужое, но реально это — подполье. У Достоевского были «Записки из подполья». Ценно само слово. Но слово было скомпрометировано, для меня, во всяком случае, для моего поколения. <...> Одно дело — пришел человек к такому же человеку андеграунда, как и я. А пришел подпольщик к подпольщику — это сразу вызывало бы ненужную комическую ситуацию. Поэтому эти переключки естественны. Они говорили не столько о желании открыть новую тему, сколько попытаться засветить эту переключку с великой литературой XIX века» [Маканин Владимир. *Самое интересное — играть черными* [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура»: сайт. — URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174>(дата обращения: 03.04.2016).].

Однако мы должны отметить, что «подполья» у Достоевского и Маканина разные. Так, у Достоевского «подполье» - это обратная сторона человеческой личности, его сущности и мысли, в которых герою стыдно признаться не только окружающим, но и себе. У Маканина «подполье» - это андеграунд социальный, своего рода «подсознание России» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 259]. Андеграунд рассматривается как культурное «подполье» - творческая интеллигенция, которая отказалась от участия в советском стиле управления искусством и литературой. Маканин описал в романе такое серьезное социально-политическое, мировоззренческое явление, как «подсознание общества» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 694]. Маканин описывает Зыкова как героя, который смог выйти из данного социального подполья. Он состоялся, он известен, он хочет «слыть хорошим для андеграунда» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 692]. Петрович продолжает оставаться «агэшником». Его не печатают, он не приобрел известность, маленький паучок – это единственное «живое существо, кого заинтересовали тексты» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 571]. Герой повсюду с собой таскает старую пишмашинку которая и придает ему статус писателя. Самая важная ценность для Петровича – сохранность своего «Я», чему он противопоставляет непризнание. Гордостью его является принадлежность к андеграунду.

По нашему мнению, основным приемом автора в организации повествования романа можно считать выбор главного героя, на которого автор возложил часть писательских полномочий. Таким образом, из главного героя Петрович превращается в соавтора, а его положение в тексте приобретает особый статус. Авторский статус главного героя романа подчеркивается и тем, что он сам по профессии писатель.

Однако Петрович ничего не пишет и не печатает, он сообщает о своем молчании читателю. Подобное положение влияет на отношение читателя к главному герою. Читатель не может однозначно воспринимать слова писателя, который бросил писать, но в то же время роман – это произведение в котором он является и писателем и действующим лицом. Результатом такого художественно-литературного приема можно считать корректировки текста, сделанные героем-автором, пространные рассуждения о «сюжете». Со временем Петрович начинает несколько изменять сюжет, трансформируя окружающую его реальность. Главный герой – это не только «герой нашего времени», он стремится обладать особыми знаниями о своем времени. Стирается граница между реальной жизнью и художественной литературой, подчеркивая эту особенность произведения, автор насыщает и перенасыщает повествование главного героя разного рода интертекстами, сюжетами литературных произведений и сравнениями с ними.

По мнению литературоведов, Маканин не просто писатель, а рассудочный гроссмейстер от литературы. В этом романе ему удалось создать героев, полных жизни, они не марионетки автора, а живут по законам окружающей их действительности, совершая поступки по своему усмотрению. По нашему мнению, именно это делает роман «Андеграунд или герой нашего времени» одним из самых значительных текстов российской прозы рубежа веков. Маканин откровенно демонстрирует, не скрывая сделанность и условность текста, авторскую игру со временем, навязчивость мотивов, принципиально размывает границу между автором и героем-писателем, что создают потрясающий воображение читателя эффект. Мы должны отметить, что

коллизии, происходящие в романе, абсолютно самодостаточны, интересны, помимо основной концепции романа. Именно этот аспект вызывает у читателя к героям романа «Андеграунд...» сочувствие – сострадание.

Несомненно, в романе есть как «объект», так и «субъект» сострадания, к ним относятся Петрович и его брат Вени. Благодаря образу Венедикта, автор дает возможность Петровичу проявить лучшие качества его души: искреннюю любовь к брату, лишённую зависти. Автор подчеркивает, что Петрович – «герой положительный», обладающий качествами хорошего человека. Образ Вени автор изобразил дважды, как бы составил из двух несопоставимых образов: гения за минуту до признания и тихого идиота. Оба образа представляют «положительно прекрасного человека». Основу личности Венедикта составляет легкость взгляда на жизнь, что, собственно, и делает его гением. Автор не предусмотрел переход от одного образа к другому, который должен быть осуществлен через покаяние. Петрович негативно относится к жалости и покаянию, с его точки зрения они ведут к распаду личности: «На жалость меня больше не подцепить – на бессмысленную, слезящую там и тут жалость. Меня не втиснуть в тот утренний троллейбус. И уже не вызвать сострадательного желания раствориться навсегда, навеки в тех, стоящих на остановке троллейбуса и курящих одну за одной, — в тех, кто лезет в потрескивающие троллейбусные двери и никак, с натугой, не может влезть» [Маканин В.С. *Андеграунд, или Герой нашего времени*. М.: Эксмо, 2010. — С. 238].

Таким образом, роман, основу которого пронизывает жалость, доказывает всем своим существом, что жалость – это убийство личности, национального менталитета. Для Маканина этот вывод становится в некотором смысле универсальной категорией его художественного мира. Литературный критик И.Б. Роднянская рассуждает о причинах появления этой литературной категории: «Ужас и горечь жизни были всегда. Но не всегда их встречали, настолько разоружившись. Уместно будет диагностировать не рост Зла, а дефицит мужества, питаемого знанием Добра» [Роднянская И. *Сюжеты тревоги // Новый мир*. 1997. №4. — С. 205].

Подводя итог, мы можем сказать, что одним из самых эффективных художественных приемов, используемых Маканиным в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» является размещение концептуально значимых смыслов художественного текста. Уже в названии романа автор представляет основные содержательные характеристики романа. Маканин подчеркнул парадоксальность главного героя соединив противоположные, но безусловно сильнейшие литературные традиции Лермонтова и Достоевского. Интертекстуальные связи, имеющиеся в названии романа и в эпиграфе, только усиливают глубинный смысл романа, дают ключ к пониманию его смысла. Продолжив тему классика XIX века, автор развивает тему «подполья» и «подпольного» человека. Однако мы должны отметить, что Маканин переосмыслил образ главного героя с позиции постмодернизма, создав современного героя – человека андеграунда. «Подпольный» человек Достоевского обречен на непреодолимое, принципиальное одиночество. Маканинский герой – агэшник Петрович относится к неконформистам с активной позицией, он человек общества, ему доступны все проявления общественной жизни. Перед нами предстает «подпольный» человек в современном прочтении. Маканин видит призвание писателя только в отображении современной действительности и ее пороков, в этом он сближается с постмодернистской философией. Мы полагаем, что роман «Андеграунд или герой нашего времени», не укладывается в какие-либо концепции, его невозможно толковать однозначно. Автор доказывает всеми возможными ему способами, что жалость убийственна, покаяние бесперспективно, он отрицает христианскую систему ценностей и метафизическую основу русской классической литературы. Автор, таким образом, дает возможность переосмысления, иного толкования для читателя. Жалость убийственна, но она позволяет главному герою сохранить истинную ценность – свое собственное «я». Кажется, что только современному человеку «все позволено», но и брату Венедикту «все позволено» потому, что он душевнобольной и не несет ответственности за свои поступки. Подобные выводы побуждают читателя задуматься, насколько образ такой свободы привлекателен. Соединение взаимоисключающих смыслов позволяет автору уйти от определенных ответов и от ответственности. Подобная авторская позиция, ее двойственность, своего рода «неоконченность» делает роман Маканина наполненным жизнью, а образы героев – живыми.

Примечание

¹ Марченко, А.М. Владимир Семенович Маканин. Запах своей тропы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский, Л. А. Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «серединного» человека. Маканин В. С. Избранное / Л. А. Аннинский. – М. : Советский писатель, 1987. – 206 с.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1973. – 408 с.
3. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 16. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1976. – 440 с.
4. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
5. Маканин, В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. – М. : Эксмо, 2010. – 736 с.
6. Маканин, В. Самое интересное – играть черными / В. Маканин // Телеканал «Культура»: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174> (дата обращения: 03.04.2016).
7. Роднянская, И. Сюжеты тревоги / И. Роднянская // Новый мир. – 1997. – №4. – С. 200–212.

8. Степанян, К. Кризис слова на пороге свободы / К. Степанян // Знамя. – 1999. – № 8. – С. 204–214.
9. Странная война Владимира Маканина: Интервью с Владимиром Маканиным // Новая литературная карта России: сайт. – [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.litkarta.ru/dossier/strangewarmakanin/dossier_2236/ (дата обращения: 10.04.2016).

Материал поступил в редакцию 28.12.16.

INTERTEXTUAL POETICS OF THE NOVEL “UNDERGROUND OR A HERO OF OUR TIME” BY V. MAKANIN

Al-Shuwaili Hussein Ali Khudhair, Teaching Assistant
Department of the Russian Language, College of Languages,
Baghdad University, Iraq

***Abstract.** The article deals with the intertextual poetics of significant referential and reminiscential character. The intratextual and non-textual dialogic connections with the works by the Russian classics are distinguished. The complex system of doubles and antipodes is analysed. The position of novel’s agonist as a Hero of Time is determined.*

***Keywords:** double, writer, intertextuality, underground, genre uniqueness, literary space, postmodernism, citation, reference.*